

Сюэ Пин всегда считал себя агентом, а не сутенером. Даже в те времена, когда шоу-бизнес утопал в мутных схемах и криминале, он не опускался до подобного.

Если подопечные по собственной воле ложились под нужных людей ради карьеры, он не лез со своей моралью. Но если артист оказывался настолько глуп, что связывался с каким-нибудь ничтожеством и гробил собственное будущее, он сразу ставил вопрос о расторжении контракта.

А Дуань Цунчжи сейчас и вовсе не нуждался в подобных глупостях.

Компания «Чуанши» разрослась до таких масштабов, что сама могла служить надежным тылом для любого артиста. От Цунчжи требовался только талант. Агент не сомневался: он сможет сделать из парня звезду. Незачем лезть в это болото и рисковать репутацией.

Он решил пока не говорить подопечному о своих подозрениях. Он всё равно не знал имени таинственного покровителя, так к чему лишний раз тревожить парня?

Проверив финансовые отчёты компании за последние два месяца, агент не нашёл ни единого упоминания расходов на аренду жилья для Цунчжи. Значит, кто-то оплатил квартиру из своего кармана. Бухгалтерия в «Чуанши» велась предельно прозрачно: даже если кто-то из руководства захотел бы злоупотребить положением, ему пришлось бы сначала выложить круглую сумму личных средств.

Старая гвардия в совете директоров давно лишилась реальной власти и лишь получала дивиденды — генеральный директор Чэнь даже не снисходил до общения с ними.

Прочие топ-менеджеры, набранные за высокие зарплаты ради дела, зарабатывали отлично, но никто из них не был настолько богат, чтобы швыряться миллионами ради мимолётного увлечения.

Круг подозреваемых сузился — это точно был не кто-то из «Чуанши». Он долго ломал голову и в конце концов пришёл к выводу, что ниточки ведут к Группе Цинь.

Впрочем, о Третьем господине Цинь шла слава как о «холодном Будде». Говорили, что характер у него суровый, но сам он человек кристальной честности и строгих правил.

Ходил слух, что несколько лет назад один из топ-менеджеров группы Цинь угодил в грязный скандал, прогремевший в прессе. Зная его высокое положение, все ожидали, что дело спустят на тормозах. Однако Третий господин лично распорядился уволить мерзавца, а информацию об этом опубликовали в открытом доступе с пометкой: «Без права на повторное трудоустройство».

Скандал тогда разразился знатный, ведь в нём была замешана известная актриса.

Злые языки тогда зубоскалили, мол, богачи из влиятельных кланов сами погрязли в разврате, а это увольнение — лишь показательное выступление ради пиара. Но обычные люди зауважали Группу Цинь ещё сильнее, сокрушаясь лишь о том, что акции компании нельзя купить на бирже.

Впрочем, знатоки тут же завалили интернет-форумы котировками: пусть сама группа Цинь не выходила на IPO, она владела контрольными пакетами множества других публичных компаний. И «Чуанши» была одной из них.

Когда-то «Чуанши» стояла на пороге банкротства. Пришедшая на помощь Группа Цинь влила в неё колоссальные средства. Новые владельцы не лезли в творческий процесс, но прислали своих наблюдателей, чтобы раз и навсегда искоренить любые намёки на кумовство и харассмент. И теперь каждый менеджер — что в головном офисе Группы Цинь, что в «Чуанши» — трясся за своё тёплое местечко и не смел даже смотреть в сторону молодых артистов.

Да и если бы кто-то попытался взять Цунчжи силой... С его-то боевыми навыками этот несчастный мгновенно стал бы главным героем криминальной хроники.

Зная, какая суровая фигура стоит на вершине этой корпоративной пирамиды, агент не слишком тревожился. И всё же ему кровь из носа нужно было выяснить личность этого таинственного благодетеля. На всякий пожарный случай — к непредвиденным обстоятельствам лучше быть готовым заранее.

Лунчэн лежал на стыке юга и севера. Зимой снега здесь выпадало немного, но холода стояли лютые.

На съёмочной площадке утепляться не разрешалось — по сюжету они играли благородных воинов цзянху, чьи лёгкие одежды должны были красиво развеиваться на ветру, подчёркивая безупречную грацию героев.

Дуань Цунчжи ещё повезло: его персонаж Учэнь носил традиционное белое одеяние. На паренька натянули и нижнюю рубаху, и несколько верхних халатов. Пусть ткань была тончайшей, но эти слои хоть как-то задерживали ледяной ветер.

А вот у Ху Суйцзэ один из нарядов — алое с золотой вышивкой одеяние — распахивался на груди так глубоко, что Цунчжи зябко ёжился, едва бросив на него взгляд.

В последние дни ударили первые заморозки, температура по утрам и вечерам опускалась ниже нуля. При каждом выдохе изо рта вырывались густые клубы пара.

Стоило им спозаранку появиться на площадке, как навстречу с дежурной ухмылкой вышел реквизитор. Он демонстративно потряс термосом из нержавеющей стали — изнутри донёсся характерный звон.

— Лёд готов, раздаю страждущим! — весело провозгласил он. — Если кто-то предпочитает морозить горло колой или питьевым йогуртом, предупреждайте заранее, завтра организую.

Дуань Цунчжи промолчал, лишь уныло вздохнул.

Он и раньше слышал байки о том, что актёрам приходится сосать лёд во время зимних съёмок, дабы скрыть пар при выдохе, но до последнего надеялся, что это преувеличение. Оказалось — суровая правда жизни.

Цунчжи подцепил пальцами скользкий кубик, сунул его в рот и поморщился. Пришлось гонять ледышку языком из стороны в сторону, чтобы не обморозить нёбо и щёки до полной потери чувствительности.

Посмотрев на Ху Суйцзэ, парень подивился: тот без тени сомнений забросил в рот сразу два куска и принялся с хрустом разжёвывать их. Попутно Суйцзэ скинул тёплую куртку и начал прыгать на месте, разогревая мышцы и привыкая к утренней стуже.

Цунчжи даже немного позавидовал коллеге. Из-за обострённых с детства чувств он слишком остро реагировал на любые перепады температур. Благодаря многолетним тренировкам здоровье у него было отменное, да и терморегуляция работала как часы — он даже зимой в открытых водоёмах купался, так что холод сам по себе не пугал его.

Но вот эти резкие переходы сводили с ума. Секунду назад ты сидишь, укутанный в пуховик и плед, а в следующую уже стоишь на пронизывающем ветру с гордо поднятой головой, изображая невозмутимого мастера боевых искусств. А сегодня ко всему прочему добавилась ещё и борьба с куском льда во рту.

Но главный кошмар ждал его после обеда — съёмки под дождём.

По сценарию Ци Ван попадал в засаду и не мог прийти на условленное место, а у израненного Учэня открывались старые раны. Оставшись без помощи, он спасался от преследователей под проливным дождём, едва удерживаясь на ногах.

Цунчжи предстояло продемонстрировать чудеса экшена на скользкой земле, а в финале — максимально естественно, но без единой эмоции на лице сплюнуть кровь.

«Никакой слабости!» — требовал режиссёр Тянь. Даже умирая, Учэнь не должен был выказать ни малейших признаков уязвимости. Лишь небрежно стереть кровь с губ.

На площадку подогнали поливальные машины. Прежде чем прозвучала команда «Мотор!», Цунчжи и массовку окатили ледяной водой из брендспойтов.

На улице вовсю светило солнце, но дул резкий, порывистый ветер. Под натиском

искусственного ливня зуб на зуб не попадал, тело сотрясала крупная дрожь.

Актёры массовки могли пододеть под халаты термобельё, обмотаться пищевой плёнкой или обклеиться грелками-самогревами. Но Цунчжи лишили этой роскоши. Намокший белый шёлк должен был облегать торс, подчёркивая каждый изгиб его поджарого тела — такова была эстетическая задумка режиссёра.

Сцена была групповой: в кадре, помимо Цунчжи, находились ещё шесть человек. Камера фиксировала каждое движение, так что малейшая ошибка любого из них портила дубль.

Поскольку все вымокли до нитки, делать перерывы не имело смысла — люди бы просто очоценили. Решили снимать без остановок. В итоге сложнейшую боевую сцену переснимали шесть раз, пока режиссёр наконец не остался доволен.

Чтобы избавить Цунчжи от повторного заплыва в ледяной воде, следующую сцену пустили следом без перерыва.

Изнурённый Учэнь расправляется со всеми преследователями, но эта победа даётся ему на пределе сил. Когда последний враг падает на залитую дождём землю, монах внезапно заходится в глухом кашле, и с его губ срывается струйка крови.

Бутафорская кровь оказалась жуткой гадостью. На вкус она напоминала дешёвый кетчуп, разбавленный какими-то химикатами для вязкости и цвета. Жижа была одновременно кислой, приторно-сладкой и солёной, а её резкий запах вызывал у Цунчжи стойкие позывы к рвоте.

Набрав в рот этой тошнотворной смеси, Цунчжи приготовился к съёмке. Напутствие режиссёра звенело в ушах: «Не показывай слабость, но заставь зрителя сопереживать твоему герою, пусть у них сердце кровью обливается при виде его страданий!»

Цунчжи понятия не имел, как увязать невозмутимость с трагизмом. Ещё накануне он пытался проконсультироваться с Ху Сюйцзэ, на что тот лишь отмахнулся: «С твоей-то внешностью и играть ничего не надо. Просто плюнь эту жижу, зрители сами зарыдают».

Особого доверия эти слова не внушали. Цунчжи попытался сыграть сцену с первого дубля, но в процессе поперхнулся густой патокой. Из горла вырвался хриплый кашель, а вместе с ним — предательское облачко тёплого пара. Даже без команды режиссёра было ясно: дубль испорчен.

Пришлось прополоскать рот ледяной водой, разжевать очередной кубик льда и снова залить за щёку приторную гадость.

В сценарии никогда не прописывают мимику до мельчайших деталей, актёр должен чувствовать персонажа интуитивно. Вопреки жесткому требованию режиссёра сохранять маску отрешённости, Цунчжи в момент выброса крови всё же едва заметно нахмурился.

В этот миг Учэнь испытывал не физическую боль, а глубокую досаду на то, что собственная плоть предаёт его и становится обузой.

Режиссёр Тянь, не отрываясь, следил за монитором. Его лоб прорезала глубокая складка. Стоило Цунчжи замереть, завершив сцену, как из динамиков донеслось громогласное:

— Снято! Недурно.

Чжоу Цюань тут же сорвался с места, неся наготове сухое полотенце, тёплый плед и термос с горячим питьём. Но не успел Цунчжи сделать и глотка, как Тянь скомандовал:

— Сделаем ещё дубль! Нахмурься чуть позже, уже после того как сплюнешь кровь. И когда будешь вытирать рот рукавом, размажь немного по щеке и оставь каплю на губах. Герой не должен выглядеть слишком опрятно.

Дуань Цунчжи промолчал, лишь уныло вздохнул.

«Сначала заставили торговать телом на холоде, теперь взялись за лицо», — уныло подумал он.

Второй дубль прошёл без сучка и задоринки. Израненный Учэнь добирается до места встречи. Силы оставляют его; тяжело дыша, он опускается на каменный пол беседки, опираясь на верный меч, чтобы не упасть окончательно.

Наконец появляется Ци Ван. Учэнь медленно приподнимает веки. На его ресницах дрожат капли дождя. По бледным губам скользит слабая, едва уловимая улыбка.

— Ты пришёл, — беззвучно шепчет он.

Это был, пожалуй, самый пронзительный и интимный момент во взаимоотношениях героев. Рубеж, после которого расстановка сил менялась раз и навсегда: если раньше монах служил щитом для Ци Вана, то теперь тому предстояло взвалить весь груз ответственности на собственные плечи.

Облегчённо вздохнув, Учэнь теряет сознание. Ци Ван подхватывает его и уносит на спине в пелену дождя.

Режиссёр планировал снять сцену двумя планами: крупным, где Ци Ван взваливает бесчувственное тело на плечи, и общим — уходящие вдаль силуэты, растворяющиеся в тумане.

Они не репетировали этот фрагмент заранее. Ху Сюйцзэ уверял, что справится без проблем, да и у Цунчжи никаких опасений не возникало.

Однако стоило объявить начало съёмки, как на первом же дубле случилась заминка. Пытаясь подняться на ноги вместе с Цунчжи, Сюйцзэ ощутило покачнулся и замер на полувздохе.

Подобная нерешительность рушила весь образ могучего воина, так что дубль пришлось забраковать.

— Виноват, моя ошибка! — крикнул Сюйцзэ, виновато вскинув руку. Режиссёр скомандовал перерыв.

Сгрузив партнёра на землю, Сюйцзэ выпрямился, разминая затёкшую поясницу.

— Сяо Дуань-гэ, признавайся, сколько ты вешишь?

— Шестьдесят пять килограммов, — невозмутимо ответил Цунчжи.

Сюйцзэ уставился на него округлившимися от изумления глазами:

— Да ладно! С виду в тебе от силы полсотни.

До этого Сюйцзэ доводилось носить на руках исключительно хрупких партнёрш. В шоу-бизнесе девушка весом больше пятидесяти килограммов уже считалась «пышкой» с аппетитными формами. Цунчжи казался тростиночкой, его тонкую талию можно было обхватить двумя ладонями, поэтому Сюйцзэ никак не ожидал, что этот парень окажется столь увесистым.

— У меня кость тяжёлая, да и рост приличный, — парировал Цунчжи с каменным лицом.

На этом обсуждение антропометрических данных завершилось. Сюйцзэ показал режиссёру жест «окей», глубоко вздохнул, собираясь с силами, и со второй попытки безупречно отработал сцену.

Едва прозвучала заветная команда завершить съёмку, к замёрзшим актёрам бросилась толпа ассистентов. Одни совали в руки стаканы с горячим чаем, другие спешно набрасывали на плечи тяжёлые тёплые куртки.

Но если Цунчжи на сегодня отстрелялся, то Ху Сюйцзэ предстояло ещё отработать сольные кадры — его герой должен был бежать сквозь ливень. Стоило Цунчжи покинуть кадр, как съёмочная группа тут же перестроилась под новые задачи.

Чжоу Цюань проявил неожиданную настойчивость и буквально силой заставил Цунчжи выпить до дна обжигающий имбирный отвар. Парень, зажав нос, проглотил острую жижу, после чего заперся в гримёрном трейлере. Ему впервые в жизни предстояло мыться в походных условиях трейлера.

Условия в доме на колёсах оказались спартанскими. Несмотря на наличие всех современных удобств, душевая кабина была крошечной — развернуться в ней рослому парню стоило колоссальных трудов. Маленькая лейка едва давала напор: пока греешь плечи, замерзают колени. В итоге водные процедуры измотали его сильнее, чем съёмки экшен-сцен. Спасло лишь то, что в самом трейлере всю работу сделала печка, так что к концу мытья он наконец отогрелся.

Опасаясь, что после такого испытания ведущие актёры слягут с простудой, режиссёр Тянь проявил милосердие и отпустил их со съёмочной площадки пораньше.

На часах не было и трёх дня. После стольких недель изнурительного труда Цунчжи вдруг получил незапланированные полдня отдыха и поначалу даже растерялся, не зная, куда себя деть.

Первым делом, разумеется, захотелось рвануть к Цинь Кэ. Но чтобы не выглядеть слишком легкомысленным и отчаянным, Цунчжи решил соблюсти приличия и набрал номер своего агента, вежливо поинтересовавшись, нужно ли ему заглянуть в офис.

К его удивлению, Сюэ Пин ответил категорическим отказом:

— Нет-нет, в агентстве тебе делать абсолютно нечего. Отдыхай. Если возникнут вопросы, я сам наберу.

Цунчжи нахмурился. Странно. Совсем недавно Сюэ Пин распинался о том, как полезно посещать курсы актерского мастерства, которые компания организует для новичков, и настоятельно советовал использовать каждую свободную минуту для самообразования.

А теперь он буквально выталкивал его внахлёст. С чего бы агенту так настойчиво оберегать его от визитов в офис?

На самом же деле Сюэ Пин, ещё не вычислив похотливого топ-менеджера, всерьёз опасался, что Цунчжи во время визита в «Чуанши» по глупости столкнётся со своим преследователем нос к носу.

Пока ситуация оставалась неопределённой, парню лучше было держаться подальше от офиса компании. Бережёного бог бережёт — незачем лишний раз мозолить глаза потенциальным хищникам.

Пока агент изнывал от тревоги, Цунчжи радовался нежданной свободе. Получив железный повод пропустить занятия, он отпустил Чжоу Цюаня домой, поймал такси и велел везти его напрямик к офису группы Цинь.